

ФИНАЛЬНЫЙ ПАЛЕОЛИТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В СВЕТЕ НОВЫХ ДАННЫХ

В статье подведены итоги новейших исследований по финальному палеолиту Беларуси. На основе типолого-технологического анализа проведена культурно-хронологическая дифференциация источников. Для территории Беларуси установлено присутствие более 350 памятников финальнопалеолитического времени, которые оставлены населением гамбургской культуры, культуры Лингби, волкушанской (красносельской), гренской и свидерской культур.

Ключевые слова: финальный палеолит, Беларусь, гамбургская культура, культура Лингби, волкушанская (красносельская) культура, гренская культура, свидерская культура.

In this article the latest researches of a final paleolith in Belarus are summarized. On the basis of the typologo-technological analysis a cultural and chronological differentiation of sources was carried out. The presence of more than 350 monuments of final Paleolithic time, which are left by the population of Hamburg culture, Lingby culture, Valkushan (Krasnoselsk), Grensk and Swidry cultures, was established.

Keywords: Final Palaeolithic ages, Belarus, the Hamburg culture, the Lingby culture, the Valkushan (Krasnoselsk) culture, the Grensk culture, the Swidry culture.

*Светлой памяти Вячеслава Федоровича Копытина
мы посвящаем эту статью*

До недавнего времени словосочетанием «финальный палеолит» не был озаглавлен ни один из разделов обобщающих работ, касающихся региональных исследований или Беларуси в целом. Это связано с малочисленностью исследователей проблемы, отсутствием применения на практике существующих методик выделения материалов конца палеолита – мезолита. Логично предположить, что в позднеледниковое время человек оказался на территории современной Беларуси, ибо в это время его следы известны даже в Прибалтике, о чем писали литовские археологи [19].

Точки над «i» расставил В. Копытин [13], раскопавший ряд соответствующих памятников и вынесший на обложку одной из своих работ словосочетание «памятники финального палеолита...», где де факто на конкретном материале констатировал проникновение различных этнических групп населения на территорию Восточной Беларуси в финальном палеолите. Последующие публикации, в том числе обобщающие, дают крайне скудную информацию о памятниках этого исторического периода. Можно получить сведения примерно о двух десятках поселений этого времени.

Нашей задачей стало выделение финальнопалеолитических материалов из смешанных в абсолютном большинстве

случаев коллекций. В основу культурно-хронологической идентификации были положены критерии, разработанные исследователями этой проблемы, изучающими финальнопалеолитические древности на соседних территориях. В итоге проделанной работы, нами было выявлено 356 памятников, материалы которых позволяют утверждать, что в эпоху финального палеолита на территории современной Беларуси проживало население нескольких археологических культур. Среди них: гамбургское, лингбийское, волкушанское, гренское и свидерское. Проникновение носителей первых четырех культур единодушно связывают с миграционными процессами. Вопросами генезиса, развития, особенностей материальной культуры, хронологии, исторических судеб их носителей активно занимаются преимущественно исследователи Западной Европы.

Генезис гренской культуры, которая по состоянию источников на сегодняшний день является единственной финальнопалеолитической культурой, сформировавшейся непосредственно на территории Верхнего Поднепровья на местном субстрате, остается дискуссионным. Вопросы, связанные с ее происхождением, распространением во времени и пространстве, характеристикой материальной культуры являются приоритетными для белорусских исследователей, находятся в стадии разработки и в данной статье рассматриваются обзорно. С разной степенью подробности предлагаем также читателю и краткие очерки о культурах, носители которых были мигрантами и заселяли земли современной Беларуси в позднеледниковое время, главным образом в интервале 12–10 тысяч лет назад. Итоги проведенной нами работы, опубликованы в 2010 г. в коллективной монографии Е. Калечиц, А. Колосова, В. Обуховского [9].

1. *Гамбургская культура.* Единственным доказательством присутствия носителей гамбургской культуры на территории Беларуси, являются характерные наконечники стрел гамбургского типа. Они сконцентрированы на памятниках Западного Полесья и найдены в следующих пунктах: д. Скарбичи Брестского района [1, с. 50–51, рис. 88:1]; д. Одрижин, на берегу озера Песчаное в Ивановском районе Брестской области [7, рис. 2:50]; на стоянках Вяз-1 и Бакинчи-1 на территории Пинского района в долине р. Бобр. Последние найдены в материалах поверхностных сборов В. Исаенко, проведенных им в 1960-е годы. Еще один наконечник гамбургского типа «с плечиком» находился в коллекции Ю. Приборовского, которую он собрал в 30-е годы XX века на стоянке Носки (Пружанский район Брестской области) в бассейне Ясельды.

Учитывая дату памятника Ковальцы-4 (нижний слой) (GrA – 38920 Kovaltsy 12420±50 лет ВР) на Немане, который на протяжении 7 лет изучал В. Обуховский [18], необходимо отметить, что проникновение охотников на северного оленя в дриасе-1 не ограничивалось только Полесьем, а распространилось и в бассейн Немана. Не исключено, что с течением времени, когда появятся надежные основания для суждений о типологическом составе разнокультурной коллекции, полученной во время раскопок нижнего пласта, часть материалов этого памятника (по мнению автора) будет отнесена к кругу гамбургских древностей. И это будет еще одна точка, которой достигли создатели гамбургской культуры, продвигаясь на восток.

Ближайшие к Беларуси гамбургские комплексы выявлены на территории Польши, Литвы и Украины [4, рис. 2:27, 28; 24, tabl. 1:1; 19, с. 33, рис. 16:1, 2; 31; 33]. Около 15 памятников с материалами этой культуры найдено на территории Польши. Среди них Седница 17, 33; Новый Млын 3; Рогов Опольский; Крайолу; Легон 5 и другие. Все эти материалы выделены типологически из смешанных разновременных комплексов.

2. *Культура Лингби.* Ближайшие к Беларуси памятники культуры Лингби известны на территории южной Литвы. О присутствии на территории западной части Белорусского Полесья элементов лингбийской традиции неоднократно упоминал В. Исаенко [2, с. 30, 33; 7, с. 59].

На территории Западного Полесья отдельные элементы и комплексы, соответствующие лингбийским характеристикам кремнеобработки, выявлены в нескольких пунктах: стоянки Глинно-1 и 2 [30, рис. 17:12, 20, 23, 26, 33–36], Орехово-1 [9, рис. 10], Погост-Загородский-5 [35, рис. 73:4–9], на озере Песчаное возле д. Одрижин Ивановского района Брестской области [35, с. 131–132, tabl. XIX:1–12], Бобровичи-2 Ивацевичского района Брестской области, среди разнокультурных и разновременных памятников каменного и бронзового веков Мотольско-Тышквичского

микрорегиона (Мотоль-1, 5, 17). На всех отмеченных стоянках найдены характерные для культуры Лингби наконечники стрел, резцы с черешком, массивные скребки на пластинах с высокой, дугообразной рабочей частью, нуклеусы одноплощадочные от нерегулярных пластин с дугообразной площадкой скалывания и двухплощадочные монофронтальные от пластин без дополнительной обработки боков и контрфронта.

Наиболее представительные материалы культуры Лингби в бассейне р. Неман обнаружены В. Обуховским в фондах Государственного Археологического Музея в Варшаве [1; 28]. Они найдены в окрестностях Гродно возле дд. Ковальцы в трех пунктах (Ковальцы 1, 2, 4) (ныне – Славичи), Жиличи-1, Балья Сольная-2, Жукевичи-2. Вторая группа концентрируется возле пос. Красносельский Волковысского района (Красносельский 5, 6 и другие). Это, как правило, стоянки-мастерские, кремневый инвентарь которых отличается массивностью артефактов. К наиболее характерным орудиям отмеченных комплексов относятся массивные наконечники стрел без подретушовки черешка на бруске, ретушные и клиноподобные резцы, концевые скребки из пластин. Единичные находки лингбийских артефактов известны и на востоке страны (Коромка, Первокичевский-3) [10].

3. *Волкушанская (красносельская) культура.* Проблема развития дошведских сообществ в междуречье Вислы и Днепра неоднократно затрагивалась исследователями. При этом каждый из них вводил в научный оборот термин, который в большей или меньшей степени отражал содержание предложенной гипотезы: «балтийский мадлен» [19, с. 19–37], «группа Вильнюс» [26, с. 191], «аренбургская культура» [12, с. 41], «памятники типа Вильнюс» [35, с. 61], «премазовьен» [31, с. 598], «протоаренбургский этап» [4, с. 18], «красносельская культура» [4, с. 18; 30, с. 40–101; 6, с. 44–51], «ранний свидер» [37, с. 36–41], «волкушанская культура» [38, с. 30–48].

В соответствии с последним мнением Л. Зализняка, красносельская культура (восточный аренбургьен) представляет собой своеобразное сообщество с черешковыми наконечниками стрел, которое сформировалось в дриасе-3 на западе Восточной Европы в результате трансформации носителей лингбийской традиции. К классическим памятникам красносельской культуры автором концепции отнесены: Красносельский-6 в бассейне Немана, Красноселье-5, Птыче-3 в бассейне Припяти, Гренск, Хвойно, Боровка, Коромка в Верхнем Поднепровье, Усть-Тудовка в верховьях Волги [6, с. 44].

Волкушанская культура выделена К. Шимчаком [38, с. 30–36] на основании финальнопалеолитических материалов, полученных в результате раскопок ряда стоянок и мастерских в северо-восточной Польше (Волкуш-3, 5, Богатыри Лесные-2, Сосенки, Бурденишки-4, Станьковичи-1, Возьна Весь), Литве (Вильнюс-1, 4, Эжеринос-8) и на западе Беларуси (Красносельский-6). Сравнивая взгляды Л. Зализняка и К. Шимчака можно найти как сходные положения (происхождение красносельской и волкушанской культур, их хронология), так и принципиальную разницу (роль аренбургского компонента, характеристика материальной культуры, исторические судьбы). С учетом региональных особенностей материалов такого рода памятников, изученных на территории Беларуси, авторы отдали предпочтение выводам, сформулированным К. Шимчаком.

Типичный набор изделий волкушанской культуры собран на стоянках Мотольского микрорегиона (Мотоль-1, Мотоль-5, Мотоль-11, Мотоль-12, Мотоль-13, Мотоль-18, Мотоль-20, Мотоль-25). К югу от этого микрорегиона, в бассейне реки Пины Е. Калечиц выявлена еще одна концентрация волкушанских материалов в составе разновременной и разнокультурной коллекции: Глинно-1, 2, в урочищах. «Озерище» (1–2), «Доманча», у дер. «Радогощ» (1, 2), где найдены характерные типы наконечников стрел. На берегах Бобровичского озера носители волкушанской культуры оставили следы пребывания на памятнике Бобровичи-2. Еще одна группа памятников волкушанской культуры выявлена в 20-е годы XX века З. Шмитом на север от Бреста, на правом берегу Буга (Величковичи-1, 2, 5, 7, 8, Галачево-1, 2, Колодно, Шумаки). Собранные в этих местах материалы подробно описаны в литературе [1; 27].

4. *Гренская культура.* Основная часть памятников, отнесенных к гренской культуре, локализуется на территории Верхнего Поднепровья (на р. Днепр – стоянки Боровка, Орша-1, Дальнее Лядо, Коромка, Лудчицы, Могилевская, Малое Заречье,

Хвойная, на р. Сож – Гренск, Журавель, Поклады-2, на р. Беседь – Печенеж, на р. Друть – Виричев, Вишенька, Чигиринка, на р. Березина – Гута-1) [9]. В последние годы на территории Беларуси наконечники гренского типа обнаружены в междуречье Немана и Припяти [17, с. 157–161].

Кремневая индустрия гренской культуры базировалась на эксплуатации местных месторождений сырья – мелового кремня серого цвета. В инвентаре стоянок, расположенных в местах выхода сырья, содержатся многочисленные желваки и осколки кремня с негативами двух и более бессистемно нанесенных сколов, а также большое число (до 80%) отходов производства. В орудийной деятельности наблюдается стремление к использованию естественно разбитых осколков кремня.

Техника расщепления в гренской культуре была основана на принципе параллельного снятия заготовок с одной скалывающей поверхности, которая постепенно переходила на боковые стороны нуклеуса до полной его утилизации. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные ядрища (40–60%), при незначительном количестве двухплощадочных экземпляров. Немногочисленные группы образуют нуклеусы трехплощадочной формы (Гренск), дисковидные нуклеусы с радиальным скалыванием заготовок (Печенеж) и многоплощадочные ядрища.

Для гренской культуры характерно использование техники прямого удара, о чем свидетельствуют морфология сколов, находки кремневых отбойников на некоторых стоянках (Гренск, Журавель, Поклады-2). Базовыми заготовками для орудий труда являлись отщепы, реже пластины неправильной огранки. На проксимальных концах сколов сохраняется выразительный ударный бугорок, рудименты широкой, гладкой, в отдельных случаях корочной, поверхности ударной площадки. На заготовках заметна рельефность ударной волны. Следы предварительного редуцирования кромки ударной площадки отсутствуют.

Присутствие на гренских стоянках материалов других культур оставляет открытым вопрос о количестве типов орудий труда, форма которых на протяжении каменного и бронзового веков слабо менялась – скребки, резцы, проколки, изделия с выемкой и др. В состав коллекций гренских стоянок включают концевые (преобладают), двойные, округлые, стрелчатые и с «шипом» скребки. Полагают, что скребки в гренской культуре – доминирующая группа среди всех орудий [13; 15; 16]. Свою вариативность среди изделий со вторичной обработкой проявляют резцы. Среди них наиболее характерны изделия с ретушированной площадкой скола, резцы на сломе заготовки, двугранные и комбинированные резцы.

Список орудий гренских стоянок дополняется изделиями с выемкой; угловыми и срединными проколками; симметричными и асимметричными острями, отдельные из которых имеют клювовидное окончание; пластинами со скошенными ретушью концом; пластинами с притупленным краем; рубящими орудиями в виде клиновидных топоров, обработанных путем оббивки и топорилов с перехватом. Таким образом, на основании имеющихся данных, очевидно, что во вторичной обработке гренским населением широко использовались крутое и полукрутое ретуширование заготовок, техника резцового скола, оббивка.

Отличительным признаком, определяющим специфику гренской культуры, являются наконечники стрел. Характерны две основные формы наконечников. Одна из них – черешковые наконечники стрел с разными вариантами оформления насада и пера. Вторая группа наконечников представлена ассиметрично-черешковыми изделиями с боковой выемкой, т. наз. «гренский тип» наконечников.

На этапе становления представлений о генезисе гренской культуры сложилось историографическое направление, сторонники которого пытались и до сих пор пытаются обосновать родство «гренска» с традициями позднего палеолита центра Русской равнины. Концепцию об автохтонном пути развития гренских древностей Верхнего Поднепровья наиболее обстоятельно в своих работах изложил В. Копытин [13; 14]. Так, гренское население, по мнению этого исследователя, являлось прямым генетическим потомком мезинских культурных традиций позднего палеолита. Выводы В. Копытина основывались на анализе всех типобразующих форм кремневого инвентаря памятников гренской культуры, в результате чего удалось обнаружить «поразительное сходство» мезинских и гренских традиций в обработке кремня [13, с. 10–27; 14].

В. Копытин выделял две хронологические группы памятников гренской культуры [13, с. 10–27, 32–47]. В первую группу он включил стоянки Боровка, Коромка и Хвойная, и датировал их финальным палеолитом (12–10 тыс. лет назад). Вторая хронологическая группа была представлена стоянками Гренск, Могилевская, Лудчицы, Чигиринка и относилась к раннему мезолиту (10–8 тыс. лет назад). Граница между комплексами финального палеолита и раннего мезолита В. Копытиным проводилась условно и строилась на представлении об эволюционном развитии техники расщепления кремня и отдельных форм орудий труда [13, с. 32].

Позиции В. Копытина на генезис гренской культуры разделяют авторы статьи [8; 9]. При этом Е. Калечиц считает необходимым обратить внимание на поиски местного субстрата и возможную связь «гренска» с традициями Бердыжа, что подкрепляется более поздней для этого позднепалеолитического памятника Восточной Беларуси датой [8, с. 54]. Аналогичное мнение о возможной связи гренской культуры с поздним палеолитом Русской равнины в свое время выразил В. Будько, который видел преемственность в формах черешковых наконечников стрел ранней группы стоянок гренской культуры и наконечников с боковой выемкой костенковско-авдеевской культуры [3].

Идеи автохтонного происхождения и развития гренских древностей сегодня придерживается и Г. Синицына [20, с. 168–170]. Гренская культура, по мнению исследовательницы, является ярким примером развития местных традиций единого позднемадленского культурного пространства, которое сложилось на территории Верхнего Поднепровья на рубеже плейстоцена – голоцена. Этот факт подкрепляется естественнонаучными датами, полученными в последнее время для финальнопалеолитических памятников Валдайской возвышенности.

Другой взгляд на генезис гренской культуры в своих работах предложили украинский археолог Л. Зализняк и белорусский исследователь В. Ксензов [6; 15, с. 7–11; 16]. Л. Зализняк объединяет гренские памятники в рамках выделенной им красносельской культуры, происхождение которой выводится из традиций культуры восточного Лингби. Главным аргументом Л. Зализняка в пользу западного происхождения красносельской культуры является наличие в ее комплексах наконечников типа Лингби [6, с. 44–49].

Мнение Л. Зализняка относительно генезиса гренской культуры, как отмечалось выше, разделял В. Ксензов [15, с. 7–11; 16, с. 16–39]. Руководствуясь формами наконечников стрел, В. Ксензов происхождение гренской культуры вначале рассматривал в контексте развития аренсбургских традиций, а несколько позже – лингбийских [15, с. 7–11; 16, с. 16–39].

Вместе с тем В. Копытин отрицал возможность формирования гренской культуры на базе традиций культуры лингби. Распространение черешковых наконечников стрел, так похожих по своей форме на лингбийские, объяснялось исследователем конвергентным развитием финальнопалеолитических культур Восточной Европы, оказавшихся в сходной экологической ситуации [14, с. 134–135]. «... Кажущееся сходство этих культур, – писал В. Копытин, – можно объяснить *сходной* организацией жизни охотников на северного оленя в *сходных* природных условиях, которые занимались *сходными* видами хозяйственной деятельности, что предполагает *сходное* решение определенных технических задач в создании охотничьего вооружения... на обширной территории...» [14, с. 134–135].

Возможность выделения в Верхнем Поднепровье памятников культуры Лингби требует сегодня привлечения надежной источниковедческой базы. Можно указать 10 пунктов, на которых обнаружена черешковая форма наконечника стрелы, напоминающая тип бромме-лингби: Берестеново, Дальнее Лядо-3, Коромка, Хвойная (бассейн р. Днепр), Глушнево-2, Вознесенск-1 (Муравец-1), Клёнки-5 (Ильич), Первокривецкий-3, Чермерня и Чериков-2 (Посожье) [10; 11]. На отдельных стоянках этот тип наконечников сочетается с находками наконечников гренского (Коромка, Хвойная) и свидерского (Коромка) типов. Коллекции большинства памятников представлены в основном поверхностными сборами и только на некоторых стоянках (Берестеново, Коромка, Первокривецкий-3, Хвойная, Чериков-2) находки получены в итоге раскопок [10; 11].

Различие между материалами указанных выше стоянок и собственно самой культурой бромме-лингби вполне очевидно.

Это отчетливо проявляется в формах некоторых наконечников стрел, на что внимание обратила Г. Синицына [21]. Сравнивая находки наконечников отдельных памятников верховьев Днепра (Аносово-1, Ладыжино-3) с классическими формами наконечников типа бромме-лингби, Г. Синицына отмечает заметное их различие [21, с. 166]. Для тех же аносовских наконечников она, например, выделяет целый ряд отличительных черт [21, с. 166]: 1) наконечники имеют форму в виде параллелограмма или ромба; 2) «ударный бугорок снят ретушью»; 3) ударный бугорок может быть «расположен у пера».

Однако российский ученый А. Сорокин не видит принципиальных различий между гренской, песочноровской и иеневской культурами [22, с. 168–176; 23, с. 194–205]. Все эти культуры исследователь объединяет в рамках понятия «аренсбургская культура» и объясняет столь широкое в территориальном отношении распространение памятников как результат сезонных миграций охотников на северного оленя в меридиональном направлении. Такое решение значительно упрощает взгляд на генезис и хронологию культуры ассиметрично-черешковых наконечников стрел лесной полосы Восточной Европы, но не лишено своих недостатков хотя бы потому, что в составе кремневого инвентаря гренской, иеневской и песочноровской культур отсутствует устойчивый набор признаков, характеризующих аренсбургскую культуру.

Таким образом, присутствие наконечников бромме-лингби на стоянках гренской культуры может объясняться несколькими причинами. С одной стороны, можно говорить о генетической связи традиций культуры бромме-лингби с индустриями гренской культуры. С другой стороны, нельзя исключать конвергентный путь появления в гренской культуре черешковых форм наконечников, подобных бромме-лингби и аренсбургскому типу. В-третьих, учитывая смешанность материалов ряда памятников гренской культуры, возможен вариант присутствия в коллекции памятника находок как собственно гренской культуры, так и культуры бромме-лингби. Однако если в первом случае вопрос о генетических корнях гренской культуры решается однозначно, то второй и третий варианты пути решения «гренской проблемы» оставляют открытыми.

Обращая внимание на весь круг проблем гренской культуры, нельзя обойти вниманием работы зарубежных, в первую очередь польских исследователей. Так, С. Козловски считает гренскую или «деснинскую», по терминологии польских исследователей, культуру палеолитическую. «Палеолитический» аспект деснинской культуры, – пишет С. Козловски, – ее хронология, картографические данные и присутствие элементов деснинской культуры в свидерской, говорят о том, что эта культура позднего палеолита, сложившаяся еще в начале постледникового времени» [28, с. 99]. Начало же формирования деснинской культуры С. Козловски ведет от IX тыс. до н.э. и доводит время ее существования до раннего голоцена [28; 29, р. 30–35]. Именно после окончания ледниковой эпохи, как считает С. Козловски, происходит трансформация деснинских древностей в целый ряд «пост-деснинских» культур.

По мнению К. Шимчака деснинские элементы на памятниках северо-восточной Польши известны на протяжении аллерада – бореального времени [38, с. 70]. Аналогичных взглядов придерживался и отечественный исследователь В. Обуховский, который допускал возможное взаимодействие населения волкушанской культуры с гренским «не позднее середины дриаса III» [17, с. 159].

З. Сульгувовска для бореального времени отмечает широкие миграции гренского населения в западном направлении [36, с. 134]. Причиной такой активной мобильности гренских охотников, как считает исследовательница, был поиск и добыча гематита, месторождения которого известны около местечка Рыдно. Однако, несмотря на наличие в кремневых комплексах стоянок указанной территории ассиметрично-черешковых наконечников с боковой выемкой, нельзя согласиться с тем, что население гренской культуры Верхнего Поднепровья и тем более Посожья – региона богатого на залежи мелового кремня – намеренно совершали столь дальние походы за сырьем совершенно другого качества. Это подтверждается и отсутствием изделий из гематита в кремневом инвентаре днепровских и сожских стоянок гренской культуры.

Таким образом, суммируя сказанное выше можно отметить одно: попытки рассмотрения того или иного вопроса, связанно-

го с генезисом и хронологией гренокской культуры упираются в отсутствие памятников, имеющих выраженную стратиграфию и характеризующихся надежными и представительными, с историковедческой точки зрения, комплексами вещевого материала, обеспеченными данными естественных наук.

Вряд ли решение «гренокского вопроса» в настоящее время может ограничиваться только Верхнем Поднепровьем. Оно должно быть включено в общее русло культурологических проблем финального палеолита – мезолита лесной полосы Восточной Европы. Поиск же памятников, обеспеченных естественнонаучными датами, сравнение их с материалами сопредельных территорий позволит проследить не только генезис и эволюцию традиций кремнеобработки населения, обитавшего в Восточной Европе на заключительных этапах эпохи палеолита, но и определить их роль в формировании мезолитических культур рассматриваемой территории, что требует соответствующего комплексного изучения имеющихся источников.

5. *Свидерская культура* является самой распространенной на территории Беларуси финальнопалеолитической культурой. Сегодня на территории Европы известно около 1000 памятников свидерской культуры, по нашим данным более 300 их них выявлено на территории Беларуси. Материалы свидерских стоянок сконцентрированы как на территории Западного Полесья, так и на берегах Немана и его притоков. Важнейшие из них найдены около дд. Мотоль и Глинно Ивановского района, дд. Величковичи и Колодно (Каменский район), Носки (Пружанский район), Гожа, Азёры, Жиличи (Гродненский район), Пески-5, Новосёлки-1 (Мостовский район), Белица-1, Збляны (Лидский район), на берегу озера Свитязь (Новогрудский район) и в других местах.

На востоке страны свидерские комплексы известны в бассейнах Днепра (Баркалабово, Яново-1 и 2). Несколько новых памятников свидерской культуры на территории Белорусского Посожья обнаружено в итоге работ А. Колосова [10; 11]. В частности, на Днепре, кроме уже известных стоянок Баркалабово, Яново-1 и 2, материалы свидерской культуры А. Колосовым обнаружены в коллекциях поселений Береговая Слобода, Боровка-1Б, Зборов-2, Коромка, Ленино, Дальнее Лядо-1, Дальнее Лядо-4, Дальнее Лядо-5, Нераж (Рдица), Новый Быхов, Тайманово. Такая же ситуация отмечается и в бассейне р. Сож, где сегодня число местонахождений, на которых обнаружены материалы свидерской культуры, достигло 37 пунктов [10; 11].

К свидерской культуре этих памятников отнесены нуклеусы, которые имеют две противоположных ударных площадки, скошенных под углом 50–80° в сторону контрфронта, что придает некоторым ядрищам классическую для свидера челновидную форму. Карниз ударной площадки редуцирован. Боковые стороны и контрфронт нуклеусов подправлены поперечными сколами. На скалывающей поверхности нуклеусов сохраняются негативы пластин или пластинчатых сколов правильной огранки, полученных в технике мягкого отбойника.

В технике вторичной обработке кремня использовалось крутое и полукрутое ретуширование, техника резцового скола, оббивка. Свидерские комплексы характеризуются распространением следующих групп орудий: концевые и двойные скребки; ретушные, угловые и двугранные резцы; изделия с выемкой; симметричные и ассиметричные проколки и острия, черешковые наконечники стрел, рубящие орудия (топорики овальной формы и орудия с перехватом), отщепы и пластины с ретушью по краю.

Определяющими облик свидерской индустрии являются наконечники стрел. Выделяются два основных типа наконечников: 1) наконечники с четко выделенным черешком и 2) наконечники, черешковая часть которых выражена слабо. Обязательный технический прием в оформлении свидерских наконечников – со стороны брюшка сохраняется подтеска черешка плоской ретушью. Перо наконечников сохраняет естественные очертания заготовки, в некоторых случаях оно подправлено полукрутой ретушью со стороны спинки или брюшка, или плоской ретушью со стороны брюшка. Известны и наконечники со скошенным пером (Горки), напоминающие тип Смячка-14А.

Хронология свидерской культуры (мазовшанский цикл), по сведениям польских исследователей, укладывается в границах только дриаса-3, на протяжении примерно 800 лет, а также приходится на начало пребореала. Однако 800 лет существования

культуры на землях Польши еще не означает, что на других территориях свидерское население не существовало более продолжительное время (от 2 до 10 тысяч лет) [3; 28, с. 73]. Несколько схем периодизации свидера создали археологи Литвы, России и Беларуси [3; 18].

Исторические судьбы свидерского населения в настоящее время видят в формировании постсвидерских мезолитических культур кунда и бутово [4, с. 80–89; 5, с. 232–242]. Наиболее интересной является мысль о том [5, с. 253], что зародившись в верховьях Припяти и Вислы в начале дриаса-3, свидерская традиция просуществовала на севере Восточной Европы до раннего неолита, а ее носители приняли участие в формировании верхневолжской неолитической культуры

Литература:

1. Абухоўскі, В. Знаходкі крамянёвых і каменных вырабаў ад палеаліту да ранняга жалезнага веку з тэрыторыі Беларусі ў фондах Дзяржаўнага Археалагічнага Музея ў Варшаве / В. Абухоўскі. – Варшава, 2003. – 207 с.
2. Абухоўскі, В. Этапы засялення Бабровіцкага мікрарэгіёна ў фінальным палеаліце – бронзавым веку / В. Абухоўскі, А. Калечыц, В. Лакіза // Гістарычна-археалагічны зборнік: зб. навук. пр. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2003. – № 18. – С. 14–24.
3. Будько, В. Д. Памятники свидерско-гренокской культуры на территории Белоруссии / В. Д. Будько // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва-Ленинград, 1966. – № 126: У истоков древних культур. – С. 35–46.
4. Залізняк, Л. Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л. Л. Залізняк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 173 с.
5. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л. Л. Залізняк. – Київ: Нац. ун-т «Києво-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.
6. Залізняк, Л. Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба України. – Київ: Шлях, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
7. Исаенко, В. Ф. Мезолит Припятского Полесья / В. Ф. Исаенко // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории АН СССР. – Москва, 1977. – Вып. 149. – С. 53–59.
8. Калечыц, Е. Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е. Г. Калечыц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
9. Калечыц, А. Г. Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-археалагічная ідэнтыфікацыя крыніц) / А. Г. Калечыц, А. У. Коласаў, В. С. Абухоўскі. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – 323 с.
10. Колосов, А. В. Финальный палеолит Посожья: новые данные – новые вопросы / А. В. Колосов // Романовские чтения-V: сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 27–28 ноября 2008 г.); под ред. А. А. Воробьева. – Могилев: Изд-во УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2009. – С. 39–41.
11. Колосов, А. В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с.
12. Кольцов, Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики / Л. В. Кольцов. – Москва: Наука, 1977. – 216 с.
13. Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
14. Копытин, В. Ф. У истоков гренокской культуры. Боровка / В. Ф. Копытин. – Могилев: Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 143 с.
15. Ксензов, В. П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В. П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
16. Ксензов, В. П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В. П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. пр. / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2006. – Вип. 13. – 170 с.
17. Обуховский, В. С. «Гренокский след» в финальном палеолите между речья Немана, Припяти и Вислы / В. С. Обуховский // Романовские чтения-3: сб. трудов Международной научной конференции (Могилев, 23–24 ноября 2006 г.); под ред. И. А. Марзалюка. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2007. – С. 157–161.
18. Обуховский, В. С. Исследования стоянки Ковальцы-4 Гродненского района (2004–2007 гг.) / В. С. Обуховский, Т. Остраускас, В. М. Сидорович // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. пр. / Ін-т гісторыі Нац. акад. навук Беларусі. – Мінск, 2009. – Вип. 17. – С. 22–33.
19. Римантене, Р. К. Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. – Вильнюс: Минтис, 1971. – 203 с.
20. Синицына, Г. В. Заселение Валдайской возвышенности на рубеже плейстоцена – голоцена / Г. В. Синицына // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: материалы международной конференции. – Москва: ИА РАН, 2008. – С. 161–172.
21. Синицына, Г. В. О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе Русской равнины / Г. В. Си-

- нищина // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы): сб. науч. ст. – Санкт-Петербург : ЭлекСис, 2013. – С. 152–181.
22. Сорокин, А. Н. На переломе эпох / А. Н. Сорокин, С. В. Ошибкина, А. В. Трусов. – Москва : Гриф и К, 2009. – 387 с.
23. Сорокин, А. Н. Стоянка Шагара 4 и мезолит Мещёрской низменности / А. Н. Сорокин // Материалы охранных археологических исследований. – Москва : ИА РАН, 2016. – Т. 18. – 400 с.
24. Bryk, J. Kultury epoki kamiennej na wydmach zachodniej czesci poludniowego Wofynia / J. Bryk. – Lwow, 1928.
25. Burdukiewicz, J. Stanowisko kultury hamburskiej w Olbrachcicach, gm. Wschowa / J. Burdukiewicz // Śląskie Sprawozdanie Archeologiczne. – Wrocław, 1977. – Т. XIX.
26. Kozłowski, J. K. Epoka kamienia na ziemiach polskich / J.K. Kozłowski, S.K. Kozłowski. – Warszawa, 1977.
27. Krukowski, S. Inwentarze krzemienne paleolityczne w zbiorze Z. Glozgera–M. Federowskiego w Muzeum Archeologicznym PAU / S. Krukowski // Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności. – 1927. – Т. XXXI, Nr. 5.
28. Kozłowski, S. K. Le Deshenien / S. K. Kozłowski // Anthropologie. – 1991. – XXIX/1–2. – S. 95–100.
29. Kozłowski, S. K. The tanged Points Complex / S. K. Kozłowski // Tanged points Cultures in Europe. – Lublin, 1999. – P. 28–35.
30. Obuchowski, W. Materiały paleolityczne i mezolityczne z zachodniej Białorusi / W. Obuchowski // Światowit. – IAU Warszawski, 2009. – Vol. XVI.
31. Ostrauskas, T. Veluvasis paleolitas ir mesolitas Pietu Lietuvoje / T. Ostrauskas // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 1999. – Т. 16. – P. 7–17.
32. Sawicki, L. Przemysł swiderski i stanowiskawydmo wego Świdry Wielkie 1 / L. Sawicki // Przegląd Archeologiczny. – Poznań. – T.V. – 1935.
33. Šatawičius, E. Hamburgo kultūros radiniai Lietuvoje / E. Šatawičius // Lietuvos archeologija. – Vilnius, 2002. – Т. 23. – P. 163–186.
34. Schild, R. Processus de changement dans le Paleolithique final des Plaines Septentrionales / R. Schild // De la Loire a l'Order, Les civilisations du Paleolithique final dans le nord-ouest European, Fetes du Colloque de Liege, decembre 1985 – 1988. – Vol. 11. – S. 595–614.
35. Sulgostowska Z. Prahistoria międzyrzecza Wisły, Niemna i Dniestru u schyłku plejstocenu. – Warszawa, 1989. – 255 s.
36. Sulgostowska, Z. Kontakty społeczności późnopaleolitycznych i mezolitycznych między Odrą, Dzwina i górnym Dniestrem / Z. Sulgostowska. – Warszawa, 2005. – 244 s.
37. Szymczak, K. Perstunian culture – the eastern equivalent of the Lingby culture in the Nieman basin / K. Szymczak // Late Glacial in Central Europe. 1987. – S. 267–276.
38. Szymczak, K. Epoka kamienia Polski Północno-Wschodniej na tle środkowoeuropejskim / K. Szymczak. – Warszawa, 1995. – 191 s.